

Михаил Красилин, заведующий сектором экспертизы Государственного научно-исследовательского института реставрации

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

В силу своего возраста и своей профессии я принадлежу к традиционной русской культуре. Я занимаюсь историей искусства, в первую очередь – проблемами изучения и сохранения поздней русской иконописи, которая ранее в нашем искусствоведении вообще не затрагивалась. Но интерес к общеевропейской культуре для меня не менее важен, чем интерес к национальной проблематике. Я всегда думал, что особенно важны пути пересечения разных культур, по крайней мере в России все самое интересное возникало в точках подобных пересечений.

- То есть вы отождествляете себя именно с явлениями русской культуры, возникающими в точках ее взаимодействия с миром, причем эти точки могут быть расположены в разных эпохах?

Совершенно верно. Может быть поэтому я и занимаюсь поздней иконой, которая испытала на себе различные воздействия, с конца 17-го века и до наших дней. Не зная толком европейскую культуру, очень трудно разбираться в подобных явлениях.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Я отвечу несколько декларативно: это, конечно, русская икона 14-го и 15-го веков, а также вторая половина 17-го века – недостаточно изученная до сих пор эпоха и русский авангард 1920-х годов. Вот вершины, являющиеся ориентирами в движении русской культуры вообще.

3. Как сказались на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Советское воздействие и его последствия не изжиты. Но что-то, слава Богу, завершилось. С одной стороны, русская культура, наконец, вырвалась на свободу: каждый художник, писатель, композитор может делать все, что ему угодно. С другой стороны, есть обратная сторона медали: хотя позволено все, никто не может создать равного тому, что создавалось, когда многое было под запретом. Период давления на культуру провоцировал возникновение значительных явлений.

И сейчас появляется немало интересного, но оно часто носит, так сказать, эфемерный характер. Это какие-то однолетние цветочки.

- И ничего более фундаментального за последние 12–15 лет не появилось?

Фундаментально то, например, что мы стали совершенно открыто слушать духовную музыку, современную музыку, что на выставках демонстрируется всевозможное искусство. Но я думаю, если иметь в виду изобразительное искусство, что резкий переход к концептуализму вряд ли сильно обогатит русскую культуру.

- Время от времени вы сами устраиваете выставки ныне живущих художников. Из чего же вы выбираете?

Я, например, общаюсь с таким крупным художником среднего поколения, как Виктор Калинин: у него сейчас хорошо идут дела, но сформировался он в основном в старую эпоху. Такие прекрасные художники, как Николай Наседкин, Борис Михайлов, Александр Слепышев – тоже среднего поколения. Во всех них что-то было заложено ранее, а сейчас у них просто появилось больше возможностей работать и выставляться. Что именно сформировалось в последние годы – пока трудно сформулировать, слишком много вокруг этого шелухи.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом нового лидера?

По-видимому, ощущаются. С одной стороны, некоторая стабильность, которая вряд ли может способствовать развитию...

- Какая стабильность? Экономическая, политическая?

Об экономической стабильности пока рано говорить. О политической тоже. Некая стабильность умонастроений, нечто знакомо устоявшееся ощущается в воздухе нашего времени...

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры и нужна ли она?

Здесь могут быть разные нюансы. Конечно, многие художники вспоминают те времена, когда государство давало мастерские, когда существовали госзаказы и можно было спокойно творить. На это я им отвечаю: таким образом вы паразитировали на тех, кто любит искусство. Вы получали госзаказ, делали на эти деньги свои картины, те, которые вам были по душе. Но ведь их никто не видел – они пылились в запасниках Министерства культуры. А на выставках представлялись

только ваши заказные работы, которые, при возможном профессиональном совершенстве исполнения, отличались бессмыслицей идеологического содержания. Вот оно, противоречие опеки государства...

Сейчас безумно повышается плата за мастерские, за материалы, и художники стонут, а многие вообще растерялись и не знают, как им жить дальше. Музеи почти не покупают современное русское искусство – денег нет. Нет их и у Министерства культуры. На частных покупателей пока надежды не столь велики. И все-таки мне не хотелось бы возвращения ко временам госзаказа.

Что касается опеки, то она потихоньку восстанавливается. Средства массовой информации уже жалуются на идеологическое давление. Но на нас, ученых, никто не давит – и это сказочно хорошо. У нас нет денег, но мы можем читать, что хотим, писать, что хотим, смотреть, что хотим, – и это все искупает. С конца 60-х я много лет занимался обследованием памятников иконописи в действующих церквях – это был госзаказ, иначе бы меня на порог церкви не пустили. Тогда государство, не признававшее церковь, вдруг решило узнать, чем оно обладает, и поставить это на охрану. За двадцать лет я объездил половину Советского Союза, включая республики. Материалы об иконописи не в музеях, а в действующих храмах – это была совершенно новая тема. И когда я собрался опубликовать первую статью, пришлось придумать для нее такое название, что современный исследователь по заглавию не сможет даже предположить, о чем там речь. Ситуация выходила бредовая: государство могло приказать церковной власти, чтобы нам, ученым, все показали, но на самом деле государственным чиновникам было решительно все равно, что мы найдем. Это делалось про запас, на всякий случай.

- Я тогда задам вопрос, который по плану стоит дальше, но примыкает непосредственно к тому, о чем вы сейчас говорили.

б. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Безусловно, сложились за эти годы. Произошло феноменальное слияние государства с церковью как двух организаций. Но соединились они не так, как я себе когда-то представлял. Я думал, что задача государства – понимать, что такое церковь, и оказывать ей поддержку не только в утверждении веры, но и в развитии культуры. А сейчас вопрос культуры в этом слиянии полностью отсутствует.

Вопрос о возвращении в храмы музейных предметов – для меня вопрос чрезвычайно больной. На сегодняшний день, учитывая все же нестабильность государства, неразбериху, брожение умов, нужно не перемещать ценности, а сохранять их там, где они находятся. Перемещение может оказаться катастрофичным. Вот пример. По распоряжению Ельцина из Троице-Сергиевского музея были вы-

даны две уникальные иконы конца 14-го века, по преданию принадлежавшие Сергию Радонежскому. Величайшие национальные и церковные святыни были переданы без каких-либо документов, под обещание, что в храме Божиим они будут открыты всем. И с тех пор их больше никто не видел. Они ушли в церковь как организацию, но где они – неизвестно. Постоянно возникают тяжбы. Например, сейчас в Ярославле борются за перенесение в Толгский монастырь уникального памятника – древней Толгской Богоматери из местного художественного музея. Это, конечно, чудотворная святыня. Но ведь мы знаем, что во все времена с чудотворных икон делались списки, от которых тоже проявлялись чудеса. Так почему же сейчас надо переносить в пока не приспособленный для этого монастырь древнейший памятник национальной религиозной и художественной культуры? Почему не оставить его там, где созданы условия для его хранения и обозрения? Ведь мы знаем из мировой практики, что при крупнейших западных соборах и монастырях существуют ризницы, сокровищницы, куда собираются церковные древности, куда всегда можно прийти, посмотреть памятники, изучить их, купить фотографии, открытки. А у нас одно решение: возврат, после которого памятник становится недоступным.

- Но есть опыт, когда древнейшая икона Владимирской Божией Матери была перенесена из Третьяковской галереи в ее домовый храм Николы в Толмачах, где были созданы условия для хранения иконы...

Я принимал участие в обсуждениях, которые предшествовали этому акту, и остаюсь при своем мнении: эта икона должна находиться в экспозиционном зале.

- И что, прямо в зале будем молебны перед ней служить?

Почему же, наработан достаточный опыт: на крупные праздники икона переносится в храм. При службе происходят постоянные перепады температурно-влажностного режима. А Владимирская Богоматерь – памятник 12-го века, можно сказать, самый исток русского религиозного сознания.

- Реституция – это одна сторона вопроса. Но ведь вы сами постоянно сотрудничаете с церковью, и разве нет здесь положительного опыта?

Конечно, есть. Один из самых удачных опытов: сотрудничество художественного музея и Высоцкого монастыря в Серпухове. Монастырь обратился в музей с просьбой передать иконы, которые раньше находились в монастыре или в храмах города. После моей экспертизы их туда и передали. Это прекрасные иконы, но не 12-го века. Очень многое можно и должно передать церкви, но не все. В Новгороде, например, передали в Софийский собор икону Знамение 12-го века, очень тщательно реставрировавшуюся в течение многих лет. Она стоит открыто перед иконостасом, молиться на нее можно, но увидеть ее нельзя – невозможно рассматривать икону во время службы, а в другое время свет не включается... Кро-

ме того, эта икона еще и двусторонняя. Ученый еще может договориться о допуске, а что остальным делать? Как увидеть это Знамение просто культурным людям, приезжающим в Новгород? Они могут увидеть только темную витрину...

- Еще один аспект темы: за последние годы произошло воцерковление ряда людей, занимающихся культурой, людей творческих. Оказало ли это влияние на развитие искусствоведения?

Оказало, но не всегда в положительную сторону. Да, стало выходить больше работ, появились новые материалы, но вдруг искусствоведы в массовом порядке возомнили себя богословами. В большинстве новых книг об иконописи читатель погружается в дебри самодетельного богословия. Памятники не рассматриваются в контексте национальной культуры, не раскрывается их художественное значение, зато разбираются подробно сюжеты, после чего следуют невероятные богословские концепции. Это не профессиональное решение: оставим богословие богословам и будем его использовать только в той мере, в какой оно помогает раскрытию памятника. Думаю, со временем это как-то отладится, устоится. Я сам с большим интересом общаюсь с людьми церкви, с искусствоведами бывает гораздо сложнее.

7. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Культура всегда носила элитарный характер, предъявляла к человеку очень высокие требования. А понятие народности несколько аморфно само по себе и часто толковалось одиозно. Культура всегда будет элитарной не потому, что она недоступна народу, а потому, что народ должен захотеть подтянуться к ней. Если же говорить о церковной культуре, то тут есть разные подходы. В Италии двери действующих храмов открыты весь день, храмы наполнены великими произведениями искусства, которые доступны всем. У нас – иначе. Но ведь вокруг церковного искусства по-прежнему, вплоть до наших дней формируется вся мировая культура. Если церковь берет себе церковное искусство, она должна подумать о его открытости для людей.

Повторяю, элитарная культура требует определенных знаний, умений. Во всяком случае нужен определенный уровень образованности, народ должен осознать, что культура – часть его жизни. А у нас сейчас никто не хочет делать усилий, и это трагично для русской национальной культуры. Важный перелом в худшую сторону произошел, мне кажется, в 80-х годах.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового пространства?

Он приводит к нивелированию особенностей культурного развития. У людей разных стран – одни и те же ценности. Выработался мировой культурный стандарт.

- Но вы же сами говорили, что на Западе великие культурные ценности более доступны...

Речь идет о разных сторонах вопроса. Элитарная культура продолжает существовать во всем мире, везде есть люди, которым нужны Чайковский, Толстой, Мессиян, Штокгаузен, Фолкнер, опера, симфонические концерты. Это очень тонкий человеческий пласт. А остальной мир существует по другим законам.

- А на людей элитарного слоя глобализация влияет?

Нет, они и так глобализованы на том уровне, к которому хотелось бы, чтобы подтягивались все. Но это очень трудно и происходит редко. А царит всюду, во всем мире – стандарт. Что касается России, то в отличие от Запада у нас сейчас нет хотя бы уважительного отношения к людям культуры. Хозяева земли – совсем другие люди.

9. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Результаты моей работы входят в общий культурный процесс, и в этом смысле я, наверное, служу культуре.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Смена безусловно произошла, но не связанная напрямую со сменой политического режима в России, – речь может идти об общемировом процессе. В 80-х годах, в их середине, произошел буквально физически ощущаемый перелом: окрепла и выросла новая генерация, ориентированная на материальные и технические ценности. Вдруг роль технологизации стала очень высокой, а роль того, что мы называем культурой, настолько обесценилась, что можно говорить о принципиально новом явлении: трудно утверждать, что современный человек является наследником культуры 17-го, 18-го, 19-го веков, эти ценности больше не работают.